

Цзи Чаоань, казалось, совершенно не понимал этих хитросплетений, лишь тихо-мирно сидел на маленькой скамеечке под возвышением судьи — такой кроткий и послушный, с парой слегка округлых миндалевидных глаз, чистых и незамутненных, что то и дело останавливались то на Кун Суне, то на Чжу Хэне.

Он с поразительным мастерством изображал наивное дитя — все десять долей из десяти.

Не дожидаясь, пока Кун Суй заговорит, старший господин Гун снова произвел:

— Господин судья, позвольте на пару слов.

Кун Суй знал, что старик никогда не станет бросать слов на ветер, и поспешно последовал за господином Гуном во внутренние покои.

Господин Гун внес во внутреннюю комнату фальшивую закладную, влил крупицу духовной силы в кончики пальцев и вывел на обороте бумаги несколько знаков.

На том листе мгновенно проступил испускающий тускло-желтое сияние символ, в то же время старая бумага утратила ветхий вид и стала свежей и новенькой, словно только что купленная пергаментная бумага. Стоило перевернуть ее лицевой стороной вверх, как официальная печать пропала.

Кун Суй восхищенно произнес:

— Узор-веер? Весьма искусный способ подделки: тут даже вышитые рунические узоры задействованы. Неудивительно, что тот бессовестный купец не распознал подвох и осмелился притащить ее в суд.

Духовная сила господина Гуна была скудной, и после всех этих манипуляций его лицо слегка побледнело; придерживая руками грудь, он опустился на стул.

Переведя дыхание, старик вздохнул:

— Увидев узор-веер, неужели господин судья не догадывается ни о чем?

Кун Суй был еще молод; погладив гладкий, без единого волоска подбородок, он нахмурил густые темные брови и лишь спустя несколько долгих мгновений в изумлении поднялся на ноги. Впопыхах он задел рукавом стоявшую на столе маленькую ширму и в искрах тревоги воскликнул:

— Старец упоминал прежде, что при дворе Шестого принца состоит один рунический мастер! В детстве тот скитался среди простых людей, был подослан Башней Праведности и в совершенстве овладел искусством вышивания рун. Позже его истинное происхождение раскрылось, и ему пришлось покинуть мир людей и вернуться в Государство Юй...

Господин Гун одобрительно кивнул:

— Проницательность господина судьи восхищает. Одна из функций узора-веера — маскировка, но сколь ни просты линии, для успешного нанесения на бумагу требуется разложить духовную силу на тысячи иголок и нитей, распределив каждую в отдельности. Это куда сложнее обычной вышивки рун. Человек, способный успешно подделать документ с помощью узора-веера... во всем Государстве Юй наберется едва ли с пяток таких. Четверо из них живут во дворцовых покоях, а оставшийся... в резиденции Шестого принца. Господин судья, меж Третьим и Шестым принцами вам предстоит сделать выбор.

Кун Суй сделал всего несколько шагов, как вдруг резко развернулся. Его обветренное смуглое лицо излучало волевою решимостью, и он с улыбкой произнес:

— Я терзался сомнениями уже столько времени, а теперь улика против Шестого принца сама плывет мне в руки. Сама воля небес палкой подгоняет меня сделать выбор.

Обсудив все в недолгих словах во внутренних покоях, они вернулись в зал суда. Кун Суй вмиг стер с лица мягкое и простодушное выражение и сурово провозгласил:

— Чжу Хэн! Ты дерзнул преступить все мыслимые границы: мало того что подделал официальные бумаги властей, так еще и попытался обмануть ими чиновника, состоящего на службе у императорского двора! Преступление твое непростительно! Эй, стража, бросить этого мошенника в темницу! Как только разберемся во всех обстоятельствах, вынесем окончательный приговор.

Изначально Чжу Хэн чувствовал себя в полной безопасности. Хотя дело и дало трещину, а Кун Суй, староста Переулка Хуайшу, был известен на весь город своей несгибаемой честностью и презрением к взяткам, прямых доказательств подделки документов не существовало, да и поведение Кун Суя прежде выдавало колебания.

К тому же влиятельный покровитель за спиной Чжу Хэна обладал безграничными возможностями, так что тот непременно вышел бы сухим из воды.

Однако с чего бы это после визита во внутренние покои судья вернулся совершенно другим человеком и с ходу вознамерился схватить его за преступление? Во всем этом несомненно крылся нюанс, не имевший отношения к подделке бумаг.

Только... что же это было?

Охваченный тревогой и гневом, Чжу Хэн, даже будучи схваченным стражниками, продолжал выкрикивать слова о своей невинности. Внезапно его озарило: он свирепо уставился на Цзи Чаоаня и прокричал сквозь зубы:

— Это... это ты?!

Цзи Чаоань безучастно наблюдал за ним со стороны, моргая, а уголки его губ изогнулись наподобие тонкого месяца.

Чжу Хэн вдруг вспомнил, как в Переулке Хуайшу Цзи Чаоань раз за разом повторял: Господин Кун непременно восстановит справедливость.

Справедливость, о которой он говорил, заключалась вовсе не в том, чтобы просто отстоять Книжную лавку Юнчэн.

Это касалось и наказания злодеев, и... непредсказуемой, куда более страшной опасности.

Спину Чжу Хэна прошиб ледяной пот. Он больше не сопротивлялся, позволяя стражникам волочить себя, словно бездыханный труп.

А крошечная фигурка ребенка все четче запечатлевалась на его сетчатке, увеличиваясь с каждым мигом, словно исполин, подпирающий небо и землю, который легким движением взбаламутил застоялую гладь вод Луоцзина.

И поднял чудовищные, ревущие волны.

Серый кролик пробует лакомство.

Одно дело рассмотрено, но осталось другое.

Кун Суй перевел взгляд на Цзи Чаоаня, что чинно восседал на скамеечке: несмотря на столь юный возраст, держался мальчик безупречно, в окружении стражи сохранял полное спокойствие и не выказывал и тени свойственного детям страха, словно ему уже доводилось бывать в переделках и покрупнее.

Вспомнив о судьбе его родителей, судья невольно почувствовал легкую щемящую боль в груди — да уж, через многое же ему довелось пройти.

Оттого взгляд Кун Суя стал еще мягче, и он заговорил:

— Когда я много лет назад прибыл в столицу на императорские экзамены, соученики твердили мне: хочешь приманить удачу — покупай книги в Книжной лавке Юнчэн, ведь все прежние победители экзаменов отоваривались именно там. Я не стал пренебрегать традицией и, разумеется, тоже прикупил книжицу... Ну и, как видишь, сдал.

Цзи Чаоань с улыбкой сложил руки в приветственном жесте:

— Это все благодаря выдающемуся таланту господина судьи.

Кун Суй продолжил:

— Следующее дело... о драке? С каких это пор заведено! Под сенью императорского просвещения — и вдруг избиение малолетнего ребенка? Чаоань, не бойся, я непременно добьюсь для тебя справедливости. Введите обвиняемого!

Цзи Чаоань смущенно замялся. Рослый стражник, стоявший подле Кун Суя, доложил:

— Господин судья, за дверями зала ожидает истец.

Кун Суй опешил.

Цзи Чаоань нехотя пояснил:

— Господин судья, простому народу и вправду довелось применить силу, но лишь потому, что этот старший братец без всякой причины вломился в мой дом. В спешке я и сам не понял, как всё вышло...

Кун Суй холодно усмехнулся:

— Тот мошенник положил глаз на твой дом, ведет себя донельзя нагло, вполне мог пойти на такое... Не бойся, я разберусь с этим делом.

И он велел привести слугу по имени Чжу Да.

Чжу Да, как и следовало ожидать, с порога завопил о своей невинности, уверяя, что Цзи Чаоань напал на него внезапно и нанес побои.

Кун Суй приказал обоим встать рядом. Худенький и невысокий Цзи Чаоань сиротливо стоял посреди зала — прическа аккуратно забрана в пучок, старая одежда чиста и опрятна, а макушкой он едва доставал Чжу Да до пояса.

Кун Суй невольно усмехнулся, покачал головой и произнес:

— Правы мы или виноваты, но из двенадцати кварталов Луоцзина, где проживает миллион юйминей, я — слуга государев на этой должности уже целых три года, а поглядеть — ума-то набрался маловато... Ты, здоровый мужик, позволил избить себя пареньку ростом вполовину тебя, да еще и приволок это дело в суд — редкое же зрелище.

Лицо Чжу Да залилось краской, и он забормотал:

— Я... простой человек попросту недооценил этого ребенка, из-за чего и угодил в такую напасть.

Кун Суй обратился к стоявшему рядом лекарю:

— Каковы его раны?

Лекарь ответил:

— Докладываю господину судье: сущие пустяки, царапины да синяки. Кровь из носа остановилась — считай, всё зажило. Мелкие ушибы никому не помеха.

Тогда Кун Суй вызвал свидетелей. Появилась госпожа Юй и с три короба налгала, живописуя Цзи Чаоаня как можно более отвратительным бунтарем.

На лице Цзи Чаоаня отразилась горькая скорбь, и он тихо произнес:

— Вторая тетушка Ма, я был неправ, когда запрещал А Шо приходить к нам поиграть, но ведь

это пустая ссора двоих детей — к чему же так сильно злиться и клеветать на меня?

Госпожа Юй взъерилась:

— Да как ты смеешь!

Цзи Чаоань возразил:

— Все соседи могут подтвердить: раньше твой А Шо часто бывал у меня. А несколько дней назад мы с ним поспорили, я велел ему больше не приходить, после чего он действительно перестал появляться.

Госпожа Юй злобно сверкнула глазами и завизжала:

— Стал бы я ради такой ерунды на тебя наговаривать! А Шо сам не хотел к тебе идти! Ты знаешь, какой у тебя скверный нрав? То, что мой сын соизволил зайти к тебе, — великая честь для тебя!

Кун Суй, попивая свежесваренный чай с почками воробьиного языка, вполуха слушал их перебранку, как вдруг из внутренних покоев вышел стражник и доложил на ухо:

— Господин, Чжу Хэн во всем сознался. Закладную ему передал Ма Лаоэр.

Судья прищурился, прерывая непрекращающийся птичий щебет госпожи Юй, и строго спросил:

— Госпожа Юй, кем тебе приходится Ма Лаоэр?

Госпожа Юй опешила, не понимая, с какой стати разговор зашел о ее муже, но вынуждена была ответить:

— Он... он мой муж.

Кун Суй холодно рассмеялся:

— Вот оно что. Ваши семейства сговорились притеснять сироту, переворачивать всё с ног на голову в суде и клеветать на честного человека — вы решили, что я тут дурак? Эй, стража, приведите Ма Лаоэра!

Рослый стражник взял под козырек и широким шагом вышел из зала.

Приказав напоследок:

— Чжу Да и госпожа Юй, потакавшие злодейству и состряпавшие лживые показания, — увести! Чжу Да — двадцать палок, госпоже Юй — пятнадцать. Бейте на совесть, чтоб впредь неповадно было!

Оба завопили, моля о пощаде, но стражники бесцеремонно поволокли их во двор прямо у парадных ворот резиденции старосты.

Лицо госпожи Юй побелело как мел; не понимая, за что на нее обрушилось наказание и почему арестовали мужа, она пронзительно завизжала, но стражники повалили ее на каменные плиты во дворе.

Мгновение спустя сухой треск ударов смешался с истошными, свинными визгами.

Кун Суй ласково и приветливо обратился к Цзи Чаоаню:

— Всё кончено, можешь идти домой.

Цзи Чаоань слегка покраснел глазами, отвесил Кун Сую глубокий поклон и произнес дрожащим голосом:

— Благодарю вас, господин судья.

Он прошел через передний двор и покинул ворота, совершенно не обращая внимания на тех двоих, что получали наказание. Снаружи уже толпились зеваки из числа местных жителей, вытягивая шеи, заглядывая внутрь и оживленно переговариваясь.

Потирая плечо, Цзи Чаоань зашагал по переулку в сторону дома. На безлюдном участке пути он интуитивно ощутил приближение убийственной ауры и уже собрался увернуться, как вдруг, заметив кое-что, замер на месте.

Из щели в стене переулкa выкатился серый комок, сплошь покрытый мхом и сухими листьями, и бросился ему прямо в объятия.

Цзи Чаоань отступил на два шага, надежно поймав гостя, и с брезгливым видом отряхнул крошки и мусор с кроличьей шкурки:

— Совсем с ума сошел? Средь бела дня выбегать наружу, не боишься, что кто-нибудь поймает и сварит из тебя суп!

Серый кролик продолжал упорно зарываться под отворот его одежды, а Цзи Чаоань лишь молча вздыхал.

Спрятавшийся под шкуркой Гао Хуай в силу разума пяти-шестилетнего ребенка редко встречал кого-то, кто выказывал бы к нему доброту, и день ото дня привязывался все сильнее, превращаясь в липучку.

Цзи Чаоань считал, что держится с ним строго, не сюсюкает и предъявляет высокие требования, однако серый кролик переносил всё с завидным смирением — даже когда его насильно заставляли есть редьку да капусту, он терпел со скорбным выражением мордочки.

Не к добру это. Если так пойдет и дальше, этот хвост снова от него не отделается.

Цзи Чаоань ускорил шаг, прижимая к груди кролика, и прошептал:

— На сей раз тебе повезло. Впредь, пока не обратишься в человеческое тело, ни в коем случае не смей выходить наружу по своей воле. Как ты сломал ногу в прошлый раз — уже забыл? И нечего за меня переживать, с той мелюзгой я бы и сам мигом справился. Раз уж в этот раз пришлось столько повозиться, у меня были свои цели...

Идя дорогой, он продолжал бормотать без умолку, обращаясь к кролику и не заботясь о том, понимает ли тот хоть что-то:

— В прошлый раз... хоть Чжу Хэн и погиб, но всё его имущество цело. Я пошел по следу и в конце концов вышел на Шестого принца.

К несчастью, Гао Яо принадлежал к клике Шестого принца Чу Че. Стоило Цзи Чаоаню попытаться копнуть глубже в деле о связи Шестого принца с книжной лавкой, как Гао Яо тут же чинил ему всевозможные препятствия.

Цзи Чаоань затаил злобу, и раз уж представился удобный случай, он был не против подпортить кровь Чу Че.

Выйдя из переулочка, он очутился на шумной, оживленной центральной улице. Там вовсю сновали разносчики с коромыслами и лоточники, продававшие яркие цветы, свежие фрукты, снеки, сушеные лакомства и всякую мелочь вроде подвесок и детских игрушек.

Прогуливаясь, Цзи Чаоань купил пакетик засахаренных плодов. Серый кролик, заметив, с каким аппетитом тот уплетает их, заскреб лапкой по груди мальчика, тоже желая отведать. Цзи Чаоань достал одну ягоду, стер с нее белую сахарную пудру и протянул чистую красную мякоть.

Кролик радостно высунул мордочку из-за ворота, широко разинул пасть и впился зубами, но в то же мгновение все его тело окостенело. Выплюнув ягоду обратно, он испуганно вжался внутрь и задрожал.

Цзи Чаоань покатился со смеху. Снежные фрукты на поверку представляли собой боярышник в белой глазури: снаружи — приторно-сладкие, а внутри — зубодробительно кислые. При этом он еще и счистил всю глазурь — коварство его поступка просто не знало границ.

Бедный серый кролик за свои двенадцать лет жизни впервые попробовал столь кислую ягоду: его челюсти свело от боли, и он мог лишь жалко попискивать.

Цзи Чаоань, однако, веселился от души и продолжал рассуждать:

— Нынче у императора туго с потомством: до зрелых лет дожили лишь Старший, Второй и Шестой принцы, но кровь у всех троих не ахти какая чистая, потому наследника престола до сих пор не объявили. Ради трона они грызутся в открытую и исподтишка...

В глазах Цзи Чаоаня ни один из этих троих претендентов не заслуживал доброго слова — каждый следующий был коварнее и подлее предыдущего, ни во что не ставил человеческие жизни, и в конце концов все они сгинули от клинка Гао Хуая, не исключая даже самого Фэн

Ми-вана.

Погибнуть в грызне за власть и выгоду — некого и жалеть.

Когда он служил в резиденции Гао Яо, то долгие годы верой и правдой помогал Шестому принцу Чу Че и не раз сталкивался с той рунической мастерницей, изучив её технику вышивки вдоль и поперек.

Пару дней работы ушло у Цзи Чаоаня на то, чтобы подделать руны, фактически втянув Чу Че в грязную историю. Кун Суй вскоре перешел на сторону Третьего принца, и в этой жизни, судя по всему, всё повторится. Эта улика, попади она в руки Третьего принца, при должной сноровке способна причинить Чу Че огромный ущерб — не спасет даже заступничество Королевы-матери.

Заварив кашу в столице раньше времени, он, глядишь, ускорит и разоблачение истинного кукловода, скрывающегося в тени.

Цзи Чаоаня всё еще снедало жгучее любопытство: кто же этот таинственный некто и с какой стати ему приспичило точить зуб на их захудалую книжную лавку?

Не исключено, что и та страшная катастрофа, что постигла лавку его отца, тоже как-то с этим связана.

Остановившись у прилавка с тряпичными игрушками, Цзи Чаоань прикупил оранжевую морковку из ткани размером больше самого кролика, в придачу взял кусок жареного мяса и, подсчитав потраченные деньги с легким уколом сожаления, направился домой.

Проходя мимо соседней лавки тканей, он заметил сестру Ма Шо — Ма Сяохуа, которая сидела на пороге и горько плакала.

Цзи Чаоань слегка замедлил шаг, но всё же прошел мимо, глядя прямо перед собой.

Едва он собрался отпереть дверь, как сзади повеяло ветром. Инстинктивно увернувшись, он с размаху врезал ногой — подошва угодила в нечто упругое и мясное, прямо в живот Ма Шо.

Деревянная палка выпала из рук мальчика с глухим стуком, а сам он, покачнувшись, рухнул на каменные ступени. Удар пришелся и в живот, и в копчик, отчего лицо Ма Шо побелело от боли.

Малыш смотрел на него полными ядовитой злобы и ненависти глазами, скрипя зубами так, будто готов был разорвать Цзи Чаоаня на куски, и провизжал:

— Мелкая поганая птица! Мого отца схватили, мать тяжело ранена — и всё из-за тебя! Я буду кровным врагом тебе до конца дней!

Цзи Чаоань насмешливо фыркнул:

— С какой стати такая честь? Разве учитель не учил тебя, что значит выражение «самому накликать беду»?

Тут же изобразив на лице испуг, он прижал к груди тряпичную морковку, отпрыгнул назад,

прижавшись спиной к двери, и завизжал:

— Чт-что ты задумал?!

Затем добавил шепотом:

— А Шо, твоя собственная кровь — всего лишь заурядная желтая иволга. Ты только и знаешь, что обзываешь других погаными птицами, а про собственные корни забыл? Мои предки хотя бы служили самому Фениксу — семицветным фазанам, а твои годятся лишь на то, чтобы преклонять колени перед воротами дворца.

Ма Шо залился красками ярости, закричал, подскочил на ноги и с занесенной палкой снова бросился на Цзи Чаоаня.

Стоял самый полдень, на улице толпился народ, и многие давно обратили внимание на происходящее.

Цзи Чаоань жалко уворачивался, выбежав на улицу, и уклоняться ему стоило немалых трудов.

Впрочем, наполовину это было игрой, а на другую половину — необходимостью удерживать кролика под полкой, чтобы тот ненароком не выскочил и не вцепился кому-нибудь в палец. Задери он кого-то посреди улицы, виноватым выставят именно Цзи Чаоаня.

Владелец соседней лавки по продаже кистей, туши и бумаги выскочил наружу вместе с подмастерьями, перехватил Ма Шо и отобрал у него палку, принявшись одновременно успокаивать мальчика и исподволь корить за поведение.

Ма Лаоэр отличался скверным нравом, так что теперь все соседи поголовно встали на сторону Цзи Чаоаня: они оттащили Ма Шо, распекая его на чем свет стоит, и посоветовали Цзи Чаоаню поскорее уходить в дом.

Со слезами на глазах поблагодарив дядюшек и тетюшек, Цзи Чаоань поспешно вернулся в хижину и задвинул засов.

Опоздай он хоть немного — кролик под одеждой точно бы выдал себя.

Гао Яо: Дрянной двуличный ублюдок!

Цзи Чаоань: ^^

Фэн Ми-ван.

В самом сердце Луоцзина, на Улице Утун, располагался Дворец Птичьего Гнезда.

Под покровом густой ночи повсюду ярко горели дворцовые фонари, освещая каждый уголок.

Высокие красные стены, загнутые кверху карнизы крыш, массивные и строгие древние палаты глубокого синеватого оттенка; выстроившиеся ровными рядами стражники на дорогах из голубого камня хранили суровое молчание — их цепь тянулась от самых ворот вплоть до внутренних помещений.

Знатная дама лет двадцати с небольшим, облаченная в ярко-красный придворный наряд с вышитыми золотыми фениксами, сошла с паланкина, подвешенного на восьмиугольных хрустальных фонарях, и в сопровождении евнуха шагнула во Дворец Птичьего Гнезда. Беспрепятственно миновав путь, она добралась прямо до дверей опочивальни.

Слуги почтительно опустили головы и отступили к углам стен, боясь даже вздохнуть.

Лишь один евнух в желтых одеждах стоял у входа, преграждая путь:

— Госпожа-мать, Его Величество уже изволили почивать. Каких бы неотложных дел ни стряслось, оставьте их до завтрашнего дня.

Внешность дамы была заурядной, но под слоем тяжелых, белоснежных румян и ярких белил она казалась словно в маске изысканного лица. Чуть вздернув подбородок, она окинула человека высокомерным, ледяным взглядом.

Стоявшая подле нее главная придворная дама шагнула вперед и прикрикнула:

— Дерзость! Хоу Ин, Королева-мать проявляет милосердие и из уважения к твоим долгим годам службы при Его Величестве не раз прощала твоё неповиновение. Не испытывай наше терпение, убирайся с дороги!

Евнух горько улыбнулся:

— Ваше Величество, к чему же доходить до такого?

На лице Королевы Фань, напоминавшем безупречную маску, не дрогнул ни один мускул. Она лишь молча бросила взгляд на свиту, и вперед выступила шеренга евнухов, скрутивших Хоу Ин и оттащивших прочь.

Крепкие дворцовые служанки грубо распахнули двери опочивальни. Бормоча себе под нос слова «да помилует нас Его Величество», они действовали решительно и быстро: с фонарями в руках они гуськом вошли в просторный зал, освещая каждый уголок резной парадной кровати с опущенными полупрозрачными сизыми занавесями.

Более того, две служанки дернули за шнуры и откинули полог, в то время как еще две выволокли из постели женщину — словно портовые грузчики мешок с товаром — и бесцеремонно швырнули её посреди опочивальни на сверкающий, словно полированное зеркало, пол из белого нефрита.

Королева Фань как раз ступила за порог спальни, когда несчастная очутилась на полу.

Всё было сделано слаженно и без сучка и задоринки — явно не в первый раз.

Женщина была абсолютно нагой; лишь густые черные пряди волос, ниспадавшие до самых лодыжек, прикрывали её тело. Скукожившись в комок, она заливалась слезами, билась лбом о пол и дрожащим голосом молила:

— Пощадите, Ваше Величество! Пощадите!

Упомянутая ранее главная придворная дама со злобным выражением лица подошла к ней и, не скупясь, отвесила десяток увесистых пощечин наотмашь, после чего резко остановилась и прошипела:

— Королева-мать возлагала на тебя большие надежды, вкладывала силы в твое воспитание, рассчитывая, что ты будешь исправно ухаживать за Его Величеством, а не за тем, чтобы ты занималась развратом во дворце и крутила хвостом, соблазняя повелителя! Посмотри, до чего ты докатилась!

Крошечное личико женщины мгновенно опухло и покрылось кровавыми подтеками. Она продолжала отчаянно кланяться и всхлипывать:

— Пощадите, Ваше Величество! Пощадите! Рабыня и помыслить не смела... Э-это всё Его Величество...

Придворная дама в ярости ударила её ногой в грудь и процедила сквозь зубы:

— Дворцовая служанка из Дворца Цзиньцянь лишилась рассудка и извергает бредни, порочащие святое имя государя! Преступление неповиновения и оскорбления величества — назначить сто ударов палками, разбивающими дух.

Лицо несчастной посинело. Для казней в императорском дворце использовали палки с вырезанными на них рунами разрушения духа, и сотня таких ударов означала неминуемую смерть в страшных муках.

Женщина внезапно бросилась вперед к алому платью Королевы-матери, но в десятке шагов от нее дорогу ей преградила стража. Разрываясь от рыданий, она закричала:

— Ваше Величество! Умоляю, прозрите! Рабыня ни за что не осмелилась бы на дурные мысли, но Его Величество — владыка десяти тысяч колесниц, приказы монарха не смеют оспаривать, у меня не было выбора! О, Его Величество! Ваше Величество! Умоляю, скажите слово!

Королева Фань скривила губы в отвращении, слегка свела брови к переносице и знаком велела слугам побыстрее кончать с этим.

Внутри резной кровати меж тем стояла гробовая тишина — казалось, там вовсе никого нет.

Наконец, оттуда донеслось несколько неторопливых хлопков в ладоши.

И вот он поднялся и сошел с ложа. Стоило ему показаться на свет, как все лампы в покоях словно бы притушили свой блеск.

Он стоял выпрямившись, накинув поверх обнаженной груди лишь легкий халат цвета лунного света; босые ноги ступали по белым нефритовым плитам пола. Выступающие щиколотки и кожа на подъеме стоп казались белее и гладче самого нефрита.

Спадавшие до самого пола за спиной черные волосы сияли гладкостью, превосходя лучшие в мире шелковые отрезы.

То самое зрелище, про которое говорят: ослепительная красота, не имеющая равных. Оказалось, это чистая правда.

<http://bllate.org/book/21199/2145911>